

Читайте романы мастеров закрученного сюжета Анны и Сергея ЛИТВИНОВЫХ:

Осколки великой мечты
Быстрая и шустрая
Даже ведьмы умеют плакать
Кот недовинченный
Красивые, дерзкие, злые
Боулинг-79
Пальмы, солнце, алый снег
Наш маленький Грааль
Внебрачная дочь продюсера
Ревность волхвов
Ideal жертвы
Золотая дева
Я тебя никогда не забуду
У судьбы другое имя
Та самая Татьяна
Мадонна без младенца
Семейное проклятие
Изгнание в рай
Над пропастью жизнь ярче
Главная партия для третьей скрипки
Мертвые не лгут
Девушка не нашего круга
Я все скажу
Пять строк из прошлого

Сериал «Авантюристка»

Отпуск на тот свет
Все девушки любят бриллианты
Проигравший получает все
Второй раз не воскреснешь
Предмет вождения №1
Оскар за убийную роль
Дата собственной смерти
Парфюмер звонит первым
SPA-чистилище
Вояж с морским дьяволом
Биография smerti
Девушка без Бонда
Три последних дня
Незримая связь
Джюльетта стреляет первой
Жемчужные тени
Вижу вас из облаков
Звонок с неизвестного номера
На один удар больше

Сериал «Спецкор отдела расследований»

Эксклюзивный грех
Рецепт идеальной мечты
Коллекция страхов прет-а-порте
Ледяное сердце не болит
Одноклассники smerti
В Питер вернутся не все
Через время, через океан

Небесный остров
Несвятое семейство
Ныряльщица за жемчугом
Десять стрел для одной
Свадьбы не будет
#останься дома и стреляй!
Смерть за добрые дела
Красивая женщина умирает дважды
Смерть в изумрудных глазах

Сериал «Агент секретной службы»

Звезды падают вверх
Пока ангелы спят
Прогулки по краю пропасти
Трансфер на небо
В свободном падении
Она читала по губам
Вспомнить будущее
Многие знания — многие печали
Вне времени, вне игры
Аватар судьбы
Успеть изменить до рассвета
Завтра может не быть
Колесницы судьбы
Ведьма приходит по понедельникам

Сериал «Римма и Паша Синичкин, частные детективы»

Заговор небес
Дамы убивают кавалеров
Бойся своих желаний
Слишком много любовников
Почтовый голубь мертв
Грехи отцов отпустят дети
Брат ответит
Любить, бояться, убивать
Улыбка смерти на устах
Она исчезла
Ветер из рая

Сериал «Сага о любви и смерти»

Черно-белый танец
Предпоследний герой
Печальный демон Голливуда

Сериал «Высокие страсти»

Исповедь черного человека
Сердце бога
Бойтесь данайцев, дары приносящих
Здесь вам не Сакраменто
Тебя убьют первым

Сборники детективных рассказов:

Любовь считает до трех
Все мужчины любят это
Миллион на три не делится
Плюс-минус вечность
Половина земного пути
Золотой песок времени
Горький инжир
Карнавал насмерть
Продавец вечности
Удаленная любовь

АННА **И** СЕРГЕЙ
ЛИТВИНОВЫ

**ПЯТЬ СТРОК
ИЗ ПРОШЛОГО**

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л64

Редактор серии *А. Антонова*

Дизайн обложки *С. Курбатова*

Литвинова, Анна Витальевна.

Л64 Пять строк из прошлого / Анна и Сергей Литвиновы. —
Москва : Эксмо, 2026. — 320 с.

ISBN 978-5-04-230690-7

Захватывающая сага о дружбе, любви и предательстве, разворачивающаяся на фоне бурных событий второй половины XX века в Советском Союзе и современной России. Четверо друзей детства оказываются втянуты в водоворот интриг, связанных с загадочной запиской из прошлого, которая хранит тайну научного открытия. Их судьбы, переплетенные общими мечтами и разочарованиями, превращаются в калейдоскоп взлетов и падений, где цена успеха — любовь, дружба, а порой и сама жизнь...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-230690-7

© Литвинова А.В., Литвинов С.В., 2026
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

Пролог

Наши дни

Июнь 2025 года

АНТОН

Антон ехал к Кириллу на дачу, и сердце пело. Что может быть лучше: июньский выходной, солнце почти сутки напролет висит над горизонтом, цветет черемуха и сирень, и он встретится с дружбаном. Пусть то и дело набегают облака и срывается дождь. Сделать шашлык на открытом воздухе это не помешает. Главное: роскошь человеческого общения.

Мысли невольно соскальзывали в прошлое. Бог ты мой, как давно все это было! Прошла целая, длинная и почти незаметная жизнь. Пятьдесят чертовых лет!

Сколько им пришлось перенести! И почти погибнуть...

...Кирилл лежал во окровавленной рубашке на садовой скамейке у входа на Немецкое кладбище...

...Пит подошел к окну. Разгорался свежий, летний день. Внизу, под стенами особняка, где помещалась клиника, остановилось два внедорожника, и оттуда стали выскакивать люди, почти неотличимые друг от друга: смуглые, бородатые, одетые в черное, они ходко пошли ко входу в особняк...

...Когда Кирилл с Гелей вышли с коробкой с деньгами из дома правительства, их со всех сторон окружили мужчины в штатском — и среди них два милиционера...

...Эдик, исхудавший, с бледным и отдающим в рыжину от химиотерапии лицом безучастно смотрел, прислонившись к машинному оконцу, на изменившуюся за время его отсутствия Москву...

Годы вроде иной раз тянулись, как тяжкие гири, — а пролетели незаметно: ласточкой, легкой птицей.

Тогда, ровно пятьдесят лет назад, день рождения Кирилла тоже пришелся на воскресенье. Но в тот день было тепло и светило солнце. В те времена, казалось, все время было тепло и каждый день светило солнце.

Они отметили день рождения Кирки в кафе «Московском» на улице Горького. (Имелось два самых центральных кафе в столице: «Космос» и «Московское». В начале нынешней Тверской, напротив центрального телеграфа, в пяти минутах от Кремля). Днем в летнее воскресенье народу оказалось немного, и мальчиков посадили на коронном месте: на втором этаже, как бы на полатах, за столиком с видом на улицу Горького. В большом и чистом стекле-витрине шумели липы, неслись троллейбусы и пролетали «жигули» с «москвичами».

Они взяли на четверых по мороженому и две бутылки сидро. Наверное, если б они попросили, им и спиртное подали — они ж в стройотрядных куртках были, типа студенты. Однако «пионеры» выпивать не стали: к вечеру предстояло возвращаться в отряд, а там сухой закон. Никому неприятности были не нужны, могли и вышибить. Поэтому — только «буратино».

Никакой «кока-колы» в СССР и близко не было, «пепси» выпускалось на единственном заводе в Новороссийске, и до Москвы она добиралась редко: дефицит. Курортники с Юга бутылочки вывозили, как деликатес и подарок, в специальных ящиках, купленных на рынке.

Лимонад в «Московском» разливали в стаканы тонкого стекла. Парни чокнулись ими. Никаких тостов никто говорить не умел.

— Давай, Кирюха, с днем рождения!

— Успехов, как говорится, в труде и в личной жизни! — пожелал Эдик.

— Чтоб все торчком и деньги были! — важно покивал Пит.

Из какой невыслимой дали слышал сейчас Антон их голоса? Полвека кануло, улетело, растворилось — как и та страна, из которой они были родом и которая затонула, словно Атлантида, прямо у них на глазах. И почти вместе с ними.

Но они все же выплыли — на каких-то обломках от кораблекрушения, в бурной и нечистой воде. Сохранились, выжили — но не все и не здесь...

Антон свернул с трассы. До дачи Кирилла оставалось по навигатору двадцать километров.

И пятьдесят лет пути.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Семидесятые

Глава 1–1

ПИОНЕРЫ БЕЗ ГАЛСТУКОВ

1975

Именно в тот день в середине лета случилась та самая знаменательная находка. Они тогда нашли...

Впрочем, по порядку.

В отряде их все называли пионерами.

Сначала они возражали, да на полном серьезе: «Какие мы вам пионеры, мы комсомольцы, на будущий год поступать!» Но потом оправдываться надоело, тем более все вокруг всё равно про них всё знали, кто они, да и они смирились: пионеры так пионеры.

О том, почему в студенческом строительном отряде вдруг стали работать школьники, расскажем позже. И героев тогда представим. А пока вернемся в тот знаменательный день июля 1975 года. День, как любили говорить в советские времена, *определяющий*.

Да! Он, тот день, как значительно позже оказалось, во многом определил их судьбу — всех четверых. Антона — точно.

Это был будний солнечный (опять-таки) день. На линейке командир Володя с очень подходящей для общественника фамилией Ульянов во время развода на работу сказал:

— В совхоз «Семеновский» на бетон сегодня выдвинется бригада Окулич-Казарина. Ее усилят Берндт Дубберштайн и Саша Ким.

— А куда ж пионеры?.. — выкрикнул с места кто-то не-терпеливый.

Командир ожег недисциплинированного торопыгу взглядом — он умел так, осаживать без слов — наверное, поэтому на руководящие должности и выдвинулся, невзирая на молодые лета. Впрочем, тогда он юным никому, а особенно четверым школьникам, не казался, потому что он отслужил армию, а теперь оканчивал институт, и для пятнадцатилетних подростков разница между ними была как пропасть — лет восемь.

Ульянов отечески улыбнулся в сторону «пионеров».

— У самых юных бойцов нашего отряда будет на ближайшие дни особое задание. Они поступают в распоряжение Саши Бадалова, который доведет им необходимые вводные.

Саша Бадалов был бригадиром. Он тоже страшно взрослым казался «пионерам» — был однокурсником Ульянова, то есть, кажется, четвертый курс окончил. А до того: армия, потом подготовительное отделение: существовала такая система в советских вузах — абитуриенты после армии поступали на ПО («подготовительное»), и им в течение года институтские препы физику-математику-русский с лит-рой напоминали-подтягивали. Демобилизованные за год такой муштры школьный курс вспоминали и экзамены в институт сдавали.

Бадалов был старше «пионеров» на восемь лет, огромнейший срок для молодых. Вдобавок — житейский опыт, одна армия чего стоит. Бригадир относился к навязанным ему школьникам свысока и явно тяготился ими, слабосильными неумехами. И гонял их, в стиле армейского сержанта или старшины. В его улыбке, в отличие от командира, ничего отеческого не было — да и не улыбался он вовсе, во всяком случае со своими подопечными-«пионерами». Роста он был невысокого, ниже Кирилла и Пита, и ровень с Антоном. И только Эдик был его мельче — впрочем, немудрено, Эдик был всех на свете мельче.

«Смирно, вольно, разойдись!» — проговорил Ульянов любящую свою присказку, и отряд, сто с лишним человек потянулись на работу. Кто к автобусам, которые ждали студюзов за воротами лагеря. Иные пешком отправились на основной объект: стройку гигантского СТО, то есть станции техобслуживания — в Советском Союзе все было централизованно, вот

и частные автомобили граждан чинили в гигантских сервисах на десятки, если не на сотни машино-мест.

На площадке для построений остались только «пионеры» и Бадалов, и тот — низкорослый, крепкий, сильный, жилистый, вечно хмурый и недовольный — довел до обступивших его школьников, где и им предстоит работать.

— Поедем трудиться в родной институт... Ну, то есть как «родной»... Вы, хе-хе, в него еще поступите... Будем там на кафедре работать. Поедем на общественном транспорте, проездные мне выдали. Поэтому одеваемся в гражданское, но берем с собой спецодежду, переоблачимся на месте... Там же и инструменты выдадут.

— А че делать-то будем? — с ленивой растяжкой переспросил Пит.

— Упрямся — разберемся, — ожег его взглядом Бадалов. — Еще вопросы, пионер Петя?.. Десять минут вам — оправиться и надеть «гражданку». Одежку-обувку рабочую не забывают, а то в гражданском будете в грязюке ковыряться. Отбываем через десять минут, в девять ноль-ноль. За опоздание — наряд вне очереди.

«Пионеры» Бадалова дружно не любили. Да и был он со своими казарменными ухватками будто бы не свой, не студенческий.

В военной палатке на двадцать человек мальчики переоделись. Когда-то, целую вечность назад, а на самом деле всего месяц, они в эту палатку, самую первую в лагере, въехали. «Пионеры», домашние мальчики из интеллигентных семей, мало что умели делать руками — кроме разве что Кирилла. Тот, в отличие от Антона или Эдика, летние каникулы не на дачах или на курортах проводил, а с дедом-бабкой в деревне. Там и косить научился, и дрова рубить, и пилой орудовать, и гвоздь забить. Тоша, Пит и особенно Эдик с ним в рукастости соперничать не могли.

Антон мимолетно вспомнил, как они в самом начале июня прибыли вчетвером в стройотряд. Приехали на электричке, с рюкзаками и сумками. Гордились ужасно. Тоша, во всяком

случае, точно гордился: что будут вместе со студентами. Что будут работать. Что заработают денег.

И вот они пришли со станции на пустырь близь МКАД. Чуть вдали шумела кольцевая дорога: две полосы в одну сторону, две в другую. Рядом возвышалась бетоном, ощеривалась кранами могучая социалистическая стройка — та самая будущая станция техобслуживания.

На пустыре тогда возвышалась всего одна палатка армейского образца. Неподалеку трое студентов растягивали вторую такую же. А рядом на деревянной площадке еще четверо голых по пояс парней орудовали рубанками. Веселые стружки липли к их волосам и потным телам.

Мальчики подошли к ним и доложили почти по-военному: учащиеся физматшколы прибыли для работы в стройотряде.

Они правильно угадали: среди этих четверых трудились и командир, и комиссар отряда. Ульянов сказал: «Ага, пионеры, значит», — он тогда сходу первый обозвал их «пионерами». Свободолюбивый Тоша запротестовал: «Мы не пионеры, мы члены ВЛКСМ!» — тот только рукой отстраняюще махнул: «Идите в ту палатку, занимайте свободные койки. А потом хотите отдохните с дороги, а хотите, переоденьтесь, да подсобите нам маленько».

Четверо школьников зашли в огромную палатку. Там стояло штук двадцать кроватей, половина из них застелена, занята. Остальные зияли голыми панцирными сетками. Друзья разместились, Тоша хотел рядом с Кириллом, так и получилось: койки их оказались возле.

Пит неуверенно предложил: «Может, в шахматешки сгоняем?» — мальчики привезли с собой мини-шахматы.

Эдик готов был согласиться, но Кирилл сурово сказал:

— С какого перепуга?

— Ну, этот мэн — видно, главный — сказал же нам, — захотнул Пит, — отдохнуть с дороги.

Тоша хотел возразить, что со стороны командира это явная покупка была, или, как его отец говаривал: проверка на шивость. Буркнул:

— Надо идти, — он достал из рюкзака свои старые брюки с рубашкой, которые мама дала ему как рабочие, и стал переодеваться.

— А спецодежду нам что, не выдадут? — капризно выговорил Эдик.

— Эдуард, мы обязательно об этом спросим — но потом, — закрыл тему Кирилл.

То, что они немедленно выползли из палатки, готовые к труду, старшие товарищи явно зачли им в плюс. Все тот же командир произнес короткую, но вдохновенную речь:

— Смотрите, задача такая. Мы квартирьеры. Первого июля основная масса бойцов, расквитавшись с сессией, придет в отряд, и наша цель привести лагерь в вид, пригодный для жизни. Сцену построим, столовую обустроим, умывалку, разровняем площадку для линейек, танцев и прочих мероприятий, палатки поставим и оснастим — и так далее вплоть до мест общего пользования. Труд у нас ненормированный — что называется, от забора до отбоя. Зато и получаем все поровну, и живем коммуной. Пока наша собственная столовая не заработала, питаемся в рабочей столовке. Деньги туда за каждого перечисляет отряд. Поэтому попрошу до момента, пока мы собственную едальню не запустим, не брать там ничего лишнего. На обед положено первое, второе, третье — и все, никаких добавок, ладно? А то нам столовка счет за эти добавки выставит, придется чей-то непомерный аппетит между всеми бойцами делить... Вопросы по общим оргмоментам есть?.. Вопросов нет. Тогда берем вот там, в каптерке, инструмент, и за работу, товарищи! Вот ты, как звать?.. Кирилл?.. Ты, пионер Кирилл, копаешь яму глубиной примерно в два штыка — здесь, под флагшток... Ты, пионер Антон, — копаешь от сих до сих канаву, глубиной в один штык... А вы, пионеры... — командир повернулся к Эдику и Питу, те представились: — ...вы, пионеры Петя и Эдик, видите палатку номер два? Ее как раз ребята устанавливают? Берете спинки от кроватей, панцирные сетки к ним, вон там они свалены, и растаскиваете равномерно по всей палатке. Затем на месте их собираете. Если не будут

стыковаться — замечена за ними такая тенденция, — применяйте кувалдометр...

Антону все в стройотряде сразу положительно понравилось: и будущая жизнь коммуной, и деловой, но остроумный командир, и «кувалдометр». Только непонятно было, что значит: «на глубину штыка»? При чем здесь вообще штык? Где он тут штык от винтовки или от автомата найдет, чтоб промерить глубину и ширину канавы? Странная какая-то единица измерения.

Он улучил момент, подошел к Кириллу, спросил. Тот окинул его укоризненно-насмешливым взглядом: «Вот эта железная штучка у лопаты, пионер Антон, та самая, которой ты копаешь, чтоб ты знал, называется «штык». Антон пробормотал «спасибо» и отошел.

Стал копать — вероятно, впервые в своей жизни — и ему понравилось. Ломом, воображая себя молотобойцем в кузне, он разбивал слежавшуюся землю, лопатой отбрасывал грунт. Работа его захватила. Краем глаза он видел, что Эдик с Питом разносили железные кровати в палатку. Потом они их собирали — потому что иногда слышался грохот обрушившейся лежанки. Вскоре парни вышли на воздух и уселись, отдуваясь и всячески демонстрируя праведную усталость, на два стула, невесть откуда взявшихся в расположении отряда. Спустя минут через пять к ним подошел студент — плотненский, уса-тый, весь в кучеряшках, похожий на гусара Дениса Давыдова. Спросил участливо: «Что, устали?»

— Да не так, чтобы очень, — вальяжно отвечал Пит. Сейчас, в рабочей одежде, стало заметно, что он, несмотря на молодость, толстенький — с отчетливым животиком. Толстенький, но красивый: ямочка на подбородке, ямочки на щеках.

— Почему тогда сидим? — по-прежнему ласково спросил кучерявый студент.

— Так работу ж закончили.

— Просите новую. Командир вам ясно сказал: у нас коммуна. Заработок поровну делим — значит, и работаем, не сачкуя.

Что говорить, диалог этот Антон подслушал не без удовольствия — его-то никому подгонять не пришлось. Он трудился,

копая свою канаву, аж пот брызгал. Потом, вырыв яму под флагшток, к нему подключился Кирилл.

Квартирьеров оказалось в лагере человек десять, одни парни. Вечером самого первого дня все сидели вокруг костра, попивали чаек из эмалированных кружек. Кучерявый парень, похожий на гусара — его звали Владик Чернышов, — пощипывал струны гитары. Командир Ульянов сказал: «Давайте, в порядке самодисциплины, доложим друг другу, кто из нас что сделал в течение сегодняшнего дня».

Все по очереди послушно стали рассказывать. Когда дело дошло до «пионеров», Кирилл отрапортовал за всех: «Выкопали — я выкопал — основание для флагштока, канаву под забор пионер Антон прокопал именно глубиной в один штык, не больше, не меньше, а пионеры Эдик и Пит кровати разносили и собирали. А потом мы деревянные настилы для оставшихся четырех палаток ложили. И еще...»

— Да вы, пионеры, оказались у нас самые трудолюбивые, — мягко улыбнулся Ульянов, и остальные парни грохнули.

В первую ночь в стройотряде Антон проснулся от холода. Столб, поддерживающий палатку, качался и поскрипывал, как мачта. Брезент надувался и хлопал. По нежному свету за парусиновыми оконцами было понятно, что сейчас раннее утро.

Никак было не согреться. Тоша встал с койки. Всем раздали по два верблюжьих одеяла, но все равно было холодно. Его товарищи лежали, скорчившись — но, черти, спали.

Антон совершил самоотверженный поступок: накрыл одним своим одеялом Кирилла, другим — Эдика. «А Пит обойдется». Вышел из палатки. Начиналось розовое подмосковное утро. Вставало красное солнце. День обещал быть ясным. Парок шел изо рта.

Он обошел вокруг палатки. Брюки вымокли от росы. Было тоскливо, одиноко и холодно. Дико захотелось спать. Никто не оценил его самоотверженности.

Антон вернулся в палатку, подошел к кровати Кирки и, чтобы обратить на себя внимание, сжал тому холодный нос. Кир

открыл глаза и ясным голосом сказал: «Пошел вон, дурак!» Антон обиделся, стащил с друга свое одеяло. Потом взял на пустующей кровати матрац и накрылся им. Неожиданно это помогло. Тоша скоро угрелся и уснул.

Утром его приспособление вызвало взрыв шуточек. «Смертельный номер! — провозгласил кучерявый Владик (он оказался комиссаром отряда). — Человек-бутерброд!»

— Да-да, — подхватил кто-то, — «бутерброд по-пионерски: матрац-Антон-матрац»!

Студенческие шуточки оказались не такими, как грубые подначки в школе, — совсем не обидными.

Так они почти месяц прожили со студентами-квартирными: вдсятером, коммуной, наравне. Работали, а вечером вместе песни пели у костра, анекдоты рассказывали. И названия будущих улиц в растущем на глазах лагере придумывали. У костра как-то зашел спор, как именовать маленький переулочек, упирающийся в туалеты.

— Гребливый тупичок, — предложил кто-то.

— Тупик Коммунизма, — возразил другой.

— Так! Я попрошу! — осек говорившего партийный Ульянов.

— Давайте имени Корытина, — Корытиным, вероятно, звался преп, весьма студентам досаждавший.

В конечном итоге назвали переулочек «Проспектом Облегчения».

Работали дружно — правда, Пит то и дело стремился полодырничать. Его стали с Кириллом в пару ставить — тот приятелю спуску не давал.

Но и Антон однажды оскормился. В особенно жаркий день в обед ему страшно захотелось вторую порцию компота — он был ледяной, запотевший. Тоша понадеялся: а вдруг не заметят и не учтут, и блудливой походкой подошел к раздаче. «Можно еще компотика?» — попросил он жалобно. Неповоротливая повариха ласково закивала ему и протянула ледяной стакан. В ее ласковости Антону почудился оттенок торжества: ага, попался! Ни на кого не глядя, он спешно выпил компот.